

А.В. БОРИСОВ, И.В. ВАЖЕНИНА

## АНГЛИЙСКИЙ «БОББИ» VERSUS РОССИЙСКИЙ ГОРОДОВОЙ (английская полиция в общественном мнении россиян в XIX – начале XX в.)

---

БОРИСОВ Александр Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного-правовых дисциплин; ВАЖЕНИНА Ирина Викторовна – старший преподаватель кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений (irina-mew@mail.ru). Оба – Академия управления МВД России, Москва, Россия.

---

**Аннотация.** Анализируются взгляды российских общественных и государственных деятелей, писателей и журналистов Российской империи XIX – начала XX в. на организацию и деятельность английской полиции как объекта для подражания. Делается вывод, что частое сравнение в либеральном дискурсе российской полиции с английской было направлено не столько на объективное их сопоставление, сколько на завуалированную критику существовавшего в России государственного строя. Для российского дореволюционного общества Англия являлась идеализированным примером страны, где бюрократия в целом и полиция в частности не стоят над обществом, не мешают его жизни и развитию. Анализ идеализированного образа британской полиции в глазах россиян помогает лучше понять критическое отношение общественного мнения к отечественным правоохранительным органам.

**Ключевые слова:** полиция • общественное мнение • российское общество • Российская империя • Великобритания

DOI: 10.31857/S013216250008816-0

Проблема взаимоотношения российского общества с полицией кажется относительно новой, постсоветской, но на самом деле она обсуждалась с самого начала возникновения этого государственного института. В императорской России обсуждение полиции хотя и находилось на периферии общественных интересов, но все же происходило уже в XVIII в. [Борисов, 2010]. В начале XIX в. сравнение российских правовой действительности, правопорядка (как, впрочем, и всей социально-нормативной системы) с западноевропейскими образцами социально-политической и духовно-культурной организации становится привычным явлением общественно-политической и культурной жизни России. В общественном дискурсе о российской полиции одним из частых мотивов становится ее сопоставление с зарубежными правоохранительными институтами – прежде всего, с полицией Англии, одной из передовых стран.

Наш современник на собственном опыте хорошо знает, что описание зарубежного опыта далеко не всегда выполняет одни лишь объективно-информационные функции. Гораздо чаще оно играет (явно или завуалированно) роль аргумента в общественной дискуссии, подчеркивая недостатки или преимущества отечественных «правил игры» на фоне зарубежных реалий. При этом строго объективное взвешивание плюсов и минусов зарубежного опыта нередко уходит на задний план: по идеологическим соображениям зарубежный (прежде всего, западный) опыт часто идеализируется, в то время как отечественный недооценивается. Все это – реалии современной общественной жизни и идеологической борьбы. Но только ли современной? Ниже мы попытаемся показать, анализируя обсуждение британской полиции в царской России, что те методы влияния на общественное сознание, которые кажутся новыми, на самом деле являются «хорошо забытым старым».

**Когда британской полиции еще не было.** О формировании образа английской полиции в общественном сознании россиян можно говорить с конца XVIII в., когда в императорской России формируется институт общественного мнения, отличного от официальной позиции правительства. Речь идет о взглядах и умонастроениях «образованного общества» – социальных групп, которые участвовали в становлении самосознания российского общества, постепенно эмансипирующегося от самодержавного государства. Для их понимания главными источниками являются литература и публицистика, которые в Российской империи стали главной формой общественной жизни.

В русской литературе и журналистике того времени получает большое распространение жанр, отдаленно похожий на современные «путеводители для бэкаперов». Речь идет об изложении и осмыслении личного опыта поездок за границу («Письма из-за границы», «Путевые заметки»). Поскольку полиция – самый ближайший к обществу институт власти, она часто оказывалась в поле зрения российских путешественников и, разумеется, сравнивалась с отечественным аналогом.

Хорошо известно, какое огромное влияние на культурно-политическую жизнь России, на формирование представлений российского общества о странах Западной Европы оказала публикация в 1790–1791 гг. серии статей знаменитого литератора Н.М. Карамзина, вышедших вскоре отдельной книгой «Письма русского путешественника». Автор обратил существенное внимание и на, так сказать, криминологические аспекты западноевропейской жизни. В частности, он описывал жизнь социального дна английских городов, которое порождает преступность. Карамзин с определенным удивлением подчеркивал, что преступники, как и другие подданные британской короны, имели гарантированные права и свободы: «В Англии никогда не возьмут в тюрьму человека по вероятности, что он вор; надобно поймать его на деле и представить свидетелей; иначе вам же беда, если приведете его без неоспоримых законных доказательств»<sup>1</sup>. Но самым удивительным для Н.М. Карамзина было то, что англичане, явно страдая от преступности, совсем не желают увеличения полиции «и лучше хотят быть обкрадены, нежели иметь везде караулы, пикеты...»<sup>2</sup>.

Удивление Н.М. Карамзина объясняется тем, что в России полиция сформировалась примерно на столетие раньше, чем в Англии: если в Российской империи полицейские «караулы и пикеты» появились еще при Петре I (свое 300-летие полиция России отмечала в 2018 г.), то в Англии они возникнут лишь примерно через 40 лет после путешествия Карамзина. В его время некоторые полицейские функции осуществляли лишь достаточно патриархальные приходские констебли, нередко бывшие предметом насмешек местного населения и журнально-газетных карикатур.

Как известно, в Англии со средних веков господствовало представление о том, что есть граница вмешательства государства в личную жизнь, которую нельзя переходить даже под предлогом обеспечения общественной и личной безопасности [Ортега-и-Гассет, 2005: 114]. Поэтому когда в начале XIX в. начались луддитские бунты и выступления чартистов, то конфликты вынудили власть, за неимением иных средств, прибегать к использованию вооруженных сил [Rawlings, 2008]. Однако применение вооруженной силы внутри страны для наведения порядка (как во время бойни при «Питерлоо» в 1819 г.) резко противоречило представлению англичан о незыблемых гарантиях их прав и свобод. Поэтому встал вопрос о создании эффективной гражданской службы охраны правопорядка.

Главная трудность заключалась в том, чтобы централизовать управление полицейскими учреждениями, подчинив их Министерству внутренних дел, а не органам местного самоуправления. В 1823 г. газета «Таймс» писала, что централизованное управление полицией – «это средство, изобретенное деспотизмом» (цит. по: [Джонсон, 2016: 213]). Министру внутренних дел Роберту Пилю с большим трудом удалось в 1829 г. провести через британский парламент Закон «О столичной полиции» о создании единой для

<sup>1</sup> Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 382.

<sup>2</sup> Там же. С. 360.

столичного мегаполиса полиции, сотрудников которой долгое время с оттенком презрения называли «пиллерами» или даже «бандой Пиля». Только в 1856 г. в Британии был принят закон об обязательном создании полиции во всех графствах и городах страны.

**«Бобби» как часть британского имиджа.** С самого начала британские политики стремились сделать так, чтобы в глазах общества полицейские выглядели не «надзирающими» над гражданами, а «гражданами в униформе» [Joyce, 2011]. Английские полицейские даже форму получали такую, которая больше напоминала штатскую одежду, чем военный мундир, чтобы подчеркнуть гражданский характер полиции. Полицейские вооружались лишь маленькими дубинками, которые носились во внутреннем кармане и без необходимости не демонстрировались. Чтобы лондонцы не подумали, что полиция ведет тайную слежку за ними, все полицейские были обязаны носить форменную одежду и во внеслужебное время.

Обновленная полиция быстро заслужила уважение не только многих лондонцев, но и иностранных гостей. Об умелых действиях английской полиции при обеспечении порядка на массовых мероприятиях писал, например, российский общественный деятель А.И. Кошелев, посетивший в 1850 г. Всемирную выставку в Лондоне: по его словам, многочисленную публику из разных стран поразили не только достижения промышленности и науки, но также корректная и вежливая английская полиция<sup>3</sup>. Вежливость, предупредительность английских полицейских, отсутствие у них оружия (в отличие от российских полицейских-городовых, носивших сабли-палаши) произвели тогда большое впечатление на будущего знаменитого русского писателя-публициста А.И. Тургенева<sup>4</sup>. А И.И. Янжул писал, что русские в Англии «в первый раз в жизни ... постигли вполне ясно, что полицейский должен быть самой приятной персоной для всякого благонамеренного смертного, и привыкли взирать всегда на крупных и необыкновенно здоровых представителей Англии этой службы со спокойной уверенностью и даже удовольствием»<sup>5</sup>.

Признавая достоинство английского полицейского, русские путешественники при этом вполне осознавали, что в Лондоне они могли стать жертвой воров и мошенников с гораздо большей вероятностью, чем в Санкт-Петербурге. Например, в 1834 г. в Санкт-Петербурге, население которого было в 3 раза меньше, чем в Лондоне, было зарегистрировано краж примерно в 60 раз меньше, чем в столице Британской империи [Борисов и др., 2013: 118]. Позже, уже в начале XX в., уровень преступности в России тоже был ниже, чем в Англии [Тарновский, 1909: 60].

Впрочем, даже не зная криминологической статистики, российские «туристы» хорошо знали о низкой безопасности в столице Великобритании. Так, знаменитый писатель И.А. Гончаров, во время кругосветного путешествия всего несколько дней пробывший в 1852 г. в Лондоне, писал, что этот город «...считается... образцовой школой мошенничества, и воров числится там несколько десятков тысяч...»<sup>6</sup>. И.А. Гончаров вряд ли сам был жертвой и даже свидетелем действий лондонских воров; он, очевидно, лишь воспроизвел известную ему репутацию столицы Англии «как города воров». Посетивший в 1862 г. Лондон Ф.М. Достоевский также отметил, что в нем, в отличие от столиц других государств, полиция не озабочена тем, чтобы убрать с центральных улиц плохо одетых людей, позволяя им и другим «подозрительным и зловещим явлениям жить рядом»<sup>7</sup> с богатством, аристократией.

Парадокс в том, что своей хорошей репутацией лондонская полиция во многом обязана не своим успехам в борьбе с преступностью, а скорее успехам английской литературы – в первую очередь Ч. Диккенсу, позже У. Коллинзу и, конечно, А. Конан Дойлю.

<sup>3</sup> Кошелев А.И. Поездка русского земледельца в Англию // Московский сборник. Т. 1. М., 1852. С. 149.

<sup>4</sup> Тургенев А.И. Политическая проза. М.: Советская Россия, 1989. С. 272.

<sup>5</sup> Янжул И.И. Воспоминания о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. Вып. 1–2. СПб., 1910. С. 94.

<sup>6</sup> Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 2. СПб.: Наука, 1997.

<sup>7</sup> Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Т. 5. М.: Наука, 1973. С. 74.

Ч. Диккенс был не только знаменитым писателем, но и редактором журнала «Домашнее чтение», пользовавшегося большой популярностью в Англии. В 1850 г. в нем он опубликовал свой очерк «Современная наука поимки воров», главным героем которого был сержант лондонской полиции Уитчем<sup>8</sup>. Описывая деятельность Уитчема и его коллег, Ч. Диккенс заявлял, что обществу «неизвестна и десятая доля той пользы, которую они ему приносят». В том же 1850 г. он провел первый брифинг с полицейскими в редакции журнала. По материалам встречи Ч. Диккенс опубликовал очерк «Сыскная полиция», где показал большую общественную значимость деятельности полиции. Позже Ч. Диккенс сопровождал инспектора Скотланд-Ярда Чарльза Фредерика Филда (прототипа детектива Баккета из романа «Холодный дом») во время его суточного дежурства по Лондону. Свои впечатления о полицейской службе и о лондонских полицейских он описал в отдельном очерке<sup>9</sup>. Для сравнения следует вспомнить, что в России XIX в. подобного благожелательного сотрудничества между писателями и полицией не было и в помине, хотя российские писатели часто писали на криминологические темы<sup>10</sup>.

В результате, как пишет в наши дни премьер-министр Великобритании Б. Джонсон, стараниями Диккенса и других литераторов лондонцы, сначала осмистывавшие государственную полицию, вскоре стали относиться к ней с большей симпатией. С течением времени «бобби» даже стали одним из символов английской столицы, из которой иностранные туристы часто увозят в качестве сувенира копию полицейского шлема [Джонсон, 2016: 211–213]. В рассчитанном на туристов ироническом обзоре английского образа жизни современными британскими литераторами также указывается, что их соотечественники относятся к своей полиции с традиционным уважением, хотя очень многие, став жертвой преступления, как и в России, не обращаются в полицию, «будучи уверенными, что полицию это либо не заинтересует, либо она вряд ли сможет что-то сделать» [Майолл, 2017: 110–111].

Соответствовала ли такая высокая репутация действительности? С благожелательным мнением Б. Джонсона полемизирует, например, современный английский писатель-историк П. Акرويد. Он утверждает, что лондонская полиция долго оставалась мишенью для оскорблений и насмешек хотя бы потому, что раскрываемость преступлений в Лондоне XIX в. (как, впрочем, и в XX в.) не превышала 25% [Акرويد, 2016: 334–335]. Нередкие провалы полиции (например, в раскрытии сенсационного дела Джека-потрошителя в 1888 г.) не добавляли популярности Скотланд-Ярду.

Очевидно, по-своему правы и оптимист Б. Джонсон, и пессимист П. Акرويد. С одной стороны, в Великобритании, как и в любой стране мира, всегда существующее недовольство властью в значительной мере выражается в недовольстве полицией. С другой – власть (включая руководителей английской полиции) активно принимала меры по повышению ее престижа, обращая внимание не только на уровень раскрываемости преступлений, но и на имидж (внешний вид, форму, манеру поведения, отношения с населением). Английская художественная литература создала положительный образ британского полицейского отнюдь не на пустом месте. Однако вряд ли надо из него «творить кумира». Между тем общественным сознанием россиян, как будет далее показано, британская полиция воспринималась в весьма идеализированном виде.

<sup>8</sup> Диккенс Ч. Современная наука поимки воров // Иностранная литература. 2011. № 3.

<sup>9</sup> Диккенс Ч. Сыскная полиция. С инспектором Филдом при отправлении службы // Диккенс Ч. Собр. соч. в 30 т. Т. 19. М.: Художественная литература, 1960. С. 349–371, 418–433.

<sup>10</sup> Очень критично работу российской полиции описывали не только те отечественные литераторы, кому пришлось лично страдать от столкновения с ней (как, например, А.В. Сухово-Кобылину, обвинявшемуся в убийстве), но и те, кто наблюдал работу полиции лишь со стороны. Например, когда писатель В.В. Крестовский при помощи Санкт-Петербургской сыскной полиции собирал материалы о столичной преступности, то в его знаменитом романе «Петербургские трущобы» (1864–1866) полицейские оказались третьестепенными и совершенно несимпатичными персонажами («... небритые, голоса хриплые, физиономии помятые – надо полагать с перепоя...»). Даже самый лучший литературный «портрет» сотрудника российской полиции, пристава следственных дел Порфирия Петровича из «Преступления и наказания» (1866 г.) Ф.М. Достоевского, трудно назвать положительным.

**Британский «бобби» глазами российской общественности: эпоха Великих реформ.**

Парадокс в том, что в 1850-е гг., когда формирование британской государственной полиции не было завершено, в России ее уже рассматривали как своего рода образец. Например, назначенный в 1857 г. обер-полицеймейстером Санкт-Петербурга граф П.А. Шувалов наставлял своих подчиненных, что «не горлом надо брать, а кротостью и учтивостью, как в Англии» [Абакумов, 2017: 57]. Один из основоположников русского политического радикализма, известный писатель и публицист М.Л. Михайлов, посетивший в 1859 г. столицу Англии, также отмечал вежливость и «удивительный такт лондонских полисменов»<sup>11</sup>. Конечно, все эти суждения об английской полиции, как правило, высказывались на основе знакомства лишь со столичной, лондонской полицией.

Для понимания интереса россиян к британским «пиллерам» надо учитывать, что, в то время как в Англии завершалось создание централизованной полиции, в России проходила подготовка реформ, вошедших в историю страны как «Великие реформы» 1860–1870-х гг. Процесс реформирования не мог не затронуть полицию, поскольку и состояние полиции, и отношение к ней населения совершенно не удовлетворяли ни российское общество, ни власть. Например, в докладе комиссии, созданной императором Александром II для обследования деятельности полиции, было отмечено, что она перегружена выполнением многих административно-хозяйственных функций и «не может вселять к себе доверия»<sup>12</sup>.

В Министерстве внутренних дел в 1856 г. была создана «Комиссия по преобразованию земской полиции». Ее секретарь, чиновник для особых поручений М.Е. Салтыков, впоследствии известный писатель-сатирик М.Е. Салтыков-Щедрин, подготовил в 1857 г. проект реорганизации российской полиции. В нем в качестве примера использовались ссылки на принципы организации и деятельности полиции Франции и Англии. Императорская Франция при этом служила негативным примером, когда централизованная полиция вмешивается во все сферы жизни общества, что приводит к недовольству, «волнению умов» и даже революциям. В Англии же компетенция и организация полиции, по мнению Салтыкова-Щедрина, учитывала большую роль местного самоуправления в решении общественно-значимых проблем. Парадокс в том, что проект М.Е. Салтыкова-Щедрина «Об устройстве градских и земских полиций»<sup>13</sup> рассматривал проблему реорганизации городской и уездной полиции, поэтому сослаться на опыт Англии, которой только предстояло создать систему полицейских учреждений во всех городах и графствах, вряд ли было корректно. М.Е. Салтыков-Щедрин обладал солидным опытом государственной службы, знал состояние полиции в губерниях, но в Англии до этого не был, каких-либо следов использования им при подготовке проекта полицейской реформы конкретного зарубежного опыта не обнаружено [Макашин, 1972; Тот, 2002: 160–163]. Надо ли удивляться, что «англизированный» проект реорганизации полиции М.Е. Салтыкова-Щедрина был отклонен Министерством внутренних дел?

В период Великих реформ и после них проблемы внутривластной жизни, в том числе деятельность полиции, стали предметом не только обсуждения, но и критики в периодической печати. Одним из регулярных приемов этой критики стало сравнение российской полиции с зарубежной, в особенности с английской.

В 1863 г. газета «Голос», считавшаяся органом либеральной бюрократии, опубликовала очень критичную статью «О полиции». Российская полиция критиковалась за то, что в своей деятельности по-прежнему руководствуется сословным подходом, считая, что знатные и богатые обладают большими правами, чем «простолюдины». В результате большинство населения «смотрит с тайным недоброжелательством на полицию». Примером для нее, согласно статье в «Голосе», могла бы послужить английская полиция, поскольку «...в Англии полицейские пользуются большим уважением и авторитетом...

<sup>11</sup> Михайлов М.Л. Лондонские заметки // Современник. 1859. № 8. С. 8–9.

<sup>12</sup> Соловьев Н.Я. Записки // Русская старина. 1882. № 3. С. 563.

<sup>13</sup> Салтыков-Щедрин М.Е. Полн. собр. соч. СПб.: А.Ф. Маркс, 1905. Т. 1. С. 45–55.

потому что требуют подчинения закону ото всех... без уступок богатым и влиятельным»<sup>14</sup>. Такое сравнение английской и российской полиции вряд ли можно считать вполне корректным, учитывая, что оно проводилось только через 2 года после отмены крепостного права и до создания всесословного суда. Сословное деление останется фактором общественно-политической жизни России вплоть до демократической революции 1905–1907 гг., поэтому российская полиция, в отличие от полиции Англии, давно идущей по пути буржуазно-демократического развития, вынуждена была считаться с сословным характером общества.

Необходимость этого объяснялась в статье «О нашей полиции», опубликованной в той же газете в тот же год в ответ на статью «О полиции». Ее автор, бывший полицейский, признавал, что русские полицейские в большинстве плохо образованы, плохо знают и часто не соблюдают законы, но зато «у них есть сердце», веление которого, а не формальные законы и инструкции, определяет их деятельность. Автор статьи был уверен, что «...если перенести английскую полицию в Россию, она будет хуже нашей»<sup>15</sup>. Она станет строго исполнять требования закона и ведомственных инструкций, не учитывая традиции, особенности и тонкости российской жизни, что непременно приведет к конфликтам, непониманию, осуждению и обвинениям в несправедливости действий полиции населением. В этой связи надо отметить, что действительно в Англии соблюдение полицией законов и ведомственных актов контролировалось не только властью, но и обществом. Английские полицейские (особенно служившие в уголовном розыске) завидовали своим континентальным коллегам, французским и особенно русским полицейским, которые, по их мнению, в борьбе с преступностью могли безнаказанно «ради пользы дела» [Чернов, 2007: 319] выходить за слишком узкие рамки закона<sup>16</sup>.

Ссылки на английскую полицию как на пример строгого соблюдения законности и ответного уважения к ней населения присутствовали не только в дискуссиях, ведущихся в массовой печати. Например, член комиссии, созданной Александром II для подготовки реорганизации местного управления, харьковский губернатор П.Д. Дурново составил проект реформирования полиции, в котором тоже призывал учесть опыт Англии. В этой стране, считал он, полиция «...строго охраняет существующие учреждения и порядок, пользуется уважением и любовью нации», в то время как «...у нас в России полиция никогда не имела подобного значения»<sup>17</sup>.

**Британский «бобби» глазами российской общественности: эпоха революций.** Революция 1905–1907 гг., превращение России из абсолютной в ограниченную монархию, дарование политических прав и свобод поставили вопрос о новой реформе полиции, которая смогла бы эффективно бороться с преступностью, не нарушая при этом права и свободы, дарованные Манифестом 17 октября 1905 г. Это закономерно актуализировало обращение к опыту организации и деятельности полиции других стран.

Для самой влиятельной партии в России того времени, конституционных демократов, образцом и ориентиром государственно-политического строя являлась Англия. В 1908 г. в журнале «Русская мысль», редактором которого был один из основателей партии кадетов, известный историк А.А. Кизеветтер, была опубликована статья «Лондонская полиция

<sup>14</sup> Столбовский А. О полиции // Голос. 1863. № 68. С. 5.

<sup>15</sup> Унтинов В. О нашей полиции // Голос. 1863. № 147. С. 6.

<sup>16</sup> Представление о том, что деятельности российской полиции свойствен произвол, складывалось у англичан во многом благодаря публицистике русской политической иммиграции, колония которой была достаточно многочисленной в Лондоне. Например, живший в Англии известный революционер-террорист С.М. Степняк-Кравчинский в книге «Россия под властью царей», изданной на английском языке, писал, что «...в России полицейский, желающий хотя бы сохранить свое положение, не может позволить себе быть щепетильным» [Степняк-Кравчинский, 1965: 89–90].

<sup>17</sup> Записки бывшего Харьковского Губернатора Дурново о преобразовании полиции, составленные в ноябре 1869 г. // Материалы, собранные для высочайшей учрежденной комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений. Отдел полицейский. Ч. III. Материалы исторические и законодательные. СПб., 1879.

перед судом королевской комиссии». Ее автор С.И. Раппопорт, корреспондент нескольких русских газет, давно жил в Лондоне и считался специалистом по Англии. В своей статье он интерпретировал отчет парламентской комиссии, созданной по распоряжению короля для оценки деятельности лондонской полиции. Причиной создания такой комиссии стали жалобы лондонцев на нарушение их прав полицией при пресечении пьянства, проституции и иных случаев нарушения общественного порядка. Эти жалобы, как особенно отмечает автор, направлялись в общественную организацию по контролю за деятельностью полиции (Police and Public Vigilance Society). Как писал С.И. Раппопорт, она «...зорко наблюдает за интересами публики в ее столкновениях с полицией». Эта общественная организация на основании жалоб граждан на полицию направляла запрос не в МВД, а в нижнюю палату британского парламента, которая создала специальную парламентскую комиссию для рассмотрения вопросов соблюдения полицией прав граждан. Деятельность комиссии и собранные ею материалы были открыты для средств массовой информации.

Очевидной целью статьи С.И. Раппопорта было показать, как действует принцип разделения государственной власти, как осуществляется общественный и парламентский контроль за полицией. Эти проблемы в России волновали людей либеральных взглядов, считавших возможным и необходимым внедрить их в практику российской действительности. При наличии парламентского и общественного контроля за деятельностью полиции, соблюдения ею прав граждан лондонская полиция, утверждал автор, отлично справляется со своими обязанностями. Крупнейший город Европы, который «...кишит общественными отбросами и подонками, собранными сюда не только с разных концов Англии, но и за границы, оказывается самым безопасным для жизни и имущества его жителей»<sup>18</sup>.

Автор статьи «Лондонская полиция перед судом королевской комиссии» неоднократно подчеркивал вежливость и корректность английской полиции, что заслужило ей авторитет и доверие в обществе. Это, по замечанию автора, во многом определило успешность ее деятельности в борьбе с преступностью: «Без этого доверия полиции пришлось бы действовать, как во враждебном лагере, что было бы в высшей степени на руку всяким преступным элементам. Но лондонский преступник отлично знает, что в каждом честном обывателе полиция имеет верного пособника, готового рисковать даже жизнью в содействии ей»<sup>19</sup>. Это утверждение невольно подталкивало российского читателей к критическому сравнению отношения английского и российского общества к полиции, доверия к ней. Ведь недоброжелательное отношение российского общества к полиции признавалось даже в самой полицейской среде. Журнал «Вестник полиции», печатный орган МВД Российской империи, писал: «...не может быть успешной и плодотворной работы при тех ненормальных, почти враждебных отношениях, которые существуют сейчас между полицией и обществом»<sup>20</sup>.

Большое доверие англичан к полиции, по мнению автора, возникает потому, что она одинаково относится ко всем гражданам, независимо от их сословного и имущественного положения. Для России, пережившей в 1905–1907 гг. демократическую революцию, вопрос о равенстве всех перед законом и представителями власти был более чем актуален. Но вот насколько соответствовали действительности суждения корреспондента русского либерального журнала о равно корректном отношении английской полиции к представителям разных слоев общества? В качестве контраргумента можно вспомнить, например, мнение английского писателя-публициста Г.К. Честертона, который в 1909 г. в статье «Полицейские и мораль» нелицеприятно писал, что преклонение перед богатыми и знатными (может быть, невольное и не осознанное) «...непрестанно искажает, даже отравляет действия нашей полиции»<sup>21</sup>.

<sup>18</sup> Раппопорт С. Лондонская полиция перед судом королевской комиссии // Русская мысль. 1908. № 11. С. 147.

<sup>19</sup> Там же.

<sup>20</sup> Косунович Л. Поднимаем флаг // Вестник полиции. 1910. № 1. С. 6.

<sup>21</sup> Честертон Г.К. Писатель в газете. Художественная публицистика. М.: Прогресс, 1984. С. 91.

Убеждение, что английская полиция всегда строго соблюдает законы и, пользуясь большим уважением в обществе, очень эффективно выполняет свои обязанности, существовало и среди российских полицейских. Например, бывший становой полицейский при-став, член редакционной коллегии журнала «Вестник полиции» Л. Косунович считал, что английская (особенно лондонская) полиция должна служить примером для отечественной полиции. В статье «В чем наш прогресс» он отмечал, что после революции 1905–1907 гг. полиция отказывается от прежних приемов и методов или, как он писал, от «старой школы», но при этом она часто не знает, как ей надо действовать в изменившихся условиях, то есть еще не имеет «новой школы». Для выработки «новой школы» он предлагал воспользоваться опытом полиции стран, «...где уже давно существуют гарантии гражданской свободы и неприкосновенности личности, что не мешает полиции исполнять свой долг с педантичной точностью и аккуратностью... Особенно этим славится лондонская полиция, не имеющая даже права входа в частный дом для задержания скрывающегося там преступника. А вместе с тем борьба с преступностью в Лондоне ведется лучше, успешнее, чем где бы то ни было...»<sup>22</sup>. Фактических данных, подтверждающих необыкновенную успешность борьбы лондонской полиции с преступностью, Л. Косунович не приводил. Естественно, предложение брать пример с лондонской полиции не было воспринято российскими полицейскими, которые в ответ на статью Л. Косуновича писали, что, прежде всего, надо изменить систему подготовки полицейских, принять меры для «повышения устойчивости полицейской службы»<sup>23</sup>.

Следует отметить, что, прославляя явные и мнимые достоинства английской полиции, россияне иногда явно недооценивали отечественную полицию. Например, московская сыскная полиция была оснащена и использовала современную криминалистическую технику не менее эффективно, чем лондонская. Симптоматично, что руководитель московского сыска А.Ф. Кошко, оказавшийся после 1917 г. в эмиграции, приглашался на работу в английскую полицию<sup>24</sup>.

Ориентация на английскую полицию противоречила официальной позиции министерства внутренних дел Российской империи. В процессе подготовки реформы российской полиции делегация министерства посетила Германию, Австро-Венгрию и Францию, полагая, что опыт этих стран, в отличие от Англии, лучше подходит полиции Российской империи. Материалы о деятельности полиции этих стран публиковались в «Вестнике полиции»<sup>25</sup>. В нем же было опубликовано мнение о лондонской полиции начальника полиции Берлина, который не увидел особых достоинств и достижений в ее работе и считал, что общественный порядок в Лондоне поддерживается не столько усилиями полиции, сколько законопослушностью, дисциплинированностью лондонцев, в чем они превосходят даже немцев<sup>26</sup>.

Таким образом, английская полицейская модель так и не стала основой реформирования российской полиции. Ожидаемая в России полицейская реформа в конечном счете вообще не состоялась. Важной причиной этого стал раскол политической элиты Российской империи в начале XX в.: царская власть и либеральная оппозиция, определявшая направления деятельности Государственной думы, имели слишком разные взгляды на роль полиции в механизме государства и блокировали усилия друг друга в подготовке и проведении полицейской реформы [Борисов и др., 2018: 561–568]. В результате организационно-правовые основы деятельности полиции не соответствовали быстро менявшейся ситуации в стране. Это стало одной из причин того, что начавшиеся в феврале 1917 г. массовые беспорядки в Санкт-Петербурге переросли в Февральскую революцию, которая смела российское самодержавие и его полицию.

<sup>22</sup> Косунович Л. В чем наш прогресс // Вестник полиции. 1910. № 35. С. 16.

<sup>23</sup> См.: Вестник полиции. 1910. № 39.

<sup>24</sup> Очерки уголовного мира царской России. Воспоминания бывшего начальника московской сыскной полиции и заведующего всем уголовным розыском Российской Империи А.Ф. Кошко. М., 1892. С. 197.

<sup>25</sup> У них и у нас // Вестник полиции. 1910. № 14. С. 2.

<sup>26</sup> Начальник полиции Берлина фон Ягов о лондонской полиции // Вестник полиции. 1910. № 48. С. 14.

В период Временного правительства идея «англизации» российской полиции снова на короткий срок актуализировалась. После ликвидации царской полиции на местах стали создавать так называемую «гражданскую милицию», которая формировалась на добровольческой основе и подчинялась органам местного самоуправления. Подчинение органов охраны общественного порядка местному самоуправлению по образцу Англии (но до середины XIX в., до реформы Пилиа!) соответствовало программе партии кадетов, формировавшей органы власти после падения самодержавия, и было популярно среди российской либерально-демократической общественности. Гражданская милиция рассматривалась как антипод царской полиции: если полицейский стоял на страже самодержавия, то милиционер демократической России будет, прежде всего, защищать права и свободы граждан.

Встреченная с энтузиазмом и даже ставшая своеобразным символом «новой России», гражданская милиция, однако, быстро превратилась в предмет насмешек и общественного недовольства. Помимо неэффективной борьбы с преступностью ее стали обвинять в том же, в чем обвиняли раньше царскую полицию, продолжая, как выразился управделами Временного правительства В.Д. Набоков, политику «всероссийского похода на городовых»<sup>27</sup>. Накануне своего падения Временное правительство пыталось отказаться от строительства гражданской милиции по английскому образцу. Оно было готово ввести традиционное для России централизованное управление ею и даже привлечь к охране общественного порядка армию, но было слишком поздно. Задачу воссоздания централизованных органов внутренних дел будет практически с нуля решать в 1917–1918 гг. советская власть.

#### **Российский взгляд на английскую полицию – между идеализацией и отторжением.**

В заключение следует отметить, что вплоть до 1917 г. симпатии к организации и функционированию английских полицейских институтов и практик остались в России объектом лишь литературного, публицистического освещения. В восприятии этого опыта хорошо заметны две противоречивые закономерности: с одной стороны, идеализация, с другой стороны, отторжение на практике.

Для понимания причин отторжения в императорской России западного опыта организации полиции можно согласиться с мнением А.Ю. Звонаревой: зарубежный опыт реализации общественного контроля над полицией в России «широко не востребован в силу культурно-исторической специфики миссии органов внутренних дел России и зарубежных стран. Так, за рубежом полиция нацелена, прежде всего, на выполнение сервисной функции для общества, в связи с чем должна быть прозрачной и подотчетной обществу. В России полиция осуществляет государственные функции в сфере внутренних дел, а ее подотчетность и открытость для общества вызвана, прежде всего, интеграцией в международное сообщество» [Звонарева, 2014: 224–226]. Действительно, «проблемы становления в России общественного контроля во многом обусловлены спецификой отечественного восприятия государства как субъекта властного действия, управляющего обществом при помощи механизма принуждения, отличается от западного объяснения государства как правопорядка, в равной степени обязательного для граждан и аппарата публичной политической власти» [Типалов, 2011].

Важной причиной идеализации английской полиции в российском обществе было такое распространенное в нем явление, как англомания. Зародившееся в среде русской аристократии как проявление определенной оппозиционности к власти, независимости от нее, оно получило распространение и в культурной элите. Сравнение государственного строя, социально-политической жизни России с другими странами, чаще всего с Англией, стало органическим элементом политико-правовой культуры значительной части российского «образованного общества».

<sup>27</sup> Набоков В. Временное правительство // Архив русской революции. М.: ТЕРРА: Политиздат, 1991. Т. 1. С. 33.

Англия выступала примером страны, где гражданин имеет гарантии от произвола власти, полиции, от ее вмешательства в частную жизнь, где власть считается с общественным мнением и общество может контролировать бюрократию. Напротив, при характеристике России даже проправительственные мыслители постоянно констатировали засилье бюрократии как главного бедствия в прошлом и настоящем. Можно вспомнить, например, мнение консервативного публициста В.В. Розанова, который тоже считал, что история Англии сильно отличается от истории не только России, но и других стран, в которых чиновничество играло важную роль: в этом отношении «красива только история Англии, в которой чиновник как-то незаметен»<sup>28</sup>. Таким образом, для российского общества до-революционных времен Англия являлась идеализированным примером страны, где бюрократия в целом и полиция в частности не стоят над обществом, не мешают его жизни и развитию. Факты реальной жизни не всегда совпадали с этим идеалом. Но тем хуже было для фактов. Изучение образа британской полиции в глазах россиян помогает лучше понять отношение общественного мнения к отечественным правоохранительным органам.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абакумов О.Ю. Третье отделение на страже нравственности и благочиния. М.: Центрполиграф, 2017.
- Акройд П. Лондон. Биография. М.: Альпина Паблишер, 2016.
- Борисов А.В. Политические элиты Российской империи и проблемы реформирования полиции в начале XX в. // Российская полиция: три века служения Отечеству (мат. юбилейной междунар. науч. конф., посвященной 300-летию российской полиции) / Под ред. Н.С. Нижник. СПб.: С.-Петербургск. ун-т МВД России, 2018. С. 561–568.
- Борисов А.В. Полиция и милиция России в общественном мнении (середина XVIII в. – октябрь 1917). М.: Академия управления МВД России, 2010.
- Борисов А., Малыгин А., Мулукаев Р. Полиция Российской империи: моногр. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2013.
- Джонсон Б. Лондон по Джонсону. О людях, которые сделали город, который сделал мир. СПб.: Азбука СПб., 2016.
- Званарева А.Ю. Общественный контроль за деятельностью органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9. С. 224–226.
- Майол Э., Милстед Д. Эти странные англичане. М.: Альпина Паблишер, 2017.
- Макашин С.А. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850–1860-х гг. М.: Худож. лит., 1972.
- Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2005.
- Роджерс П. Генри Филдинг. Биография. М.: Радуга, 1984.
- Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. М.: Мысль, 1965.
- Тарновский Е.Н. Движение преступности в Российской империи за 1899–1908 гг. // Журнал министерства юстиции. 1909. № 9. С. 52–99.
- Типало Е.Е. Общественная палата Российской Федерации как институт гражданского общества: Автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Ростов-на-Дону, 2011.
- Тот Ю.В. Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX в. СПб.: Образование – культура, 2002.
- Чернов С. Бейкер-стрит и окрестности. М.: Форум, 2007.
- Joyce P. Policing – Development and Contemporary Practice. London: SAGE Publications Ltd, 2011.
- Morrell K., Bradford B. Policing and Public Management: Governance, Vices and Virtues. London: Routledge, 2018.
- Rawlings P. Policing before the Police // Newburn T. (ed.). Handbook of Policing. 2<sup>nd</sup> ed. Cullompton, UK: Willan Publishing, 2008.

Статья поступила: 10.03.20. Финальная версия: 20.03.20. Принята к публикации: 30.03.20.

<sup>28</sup> Розанов В.В. Когда начальство ушло. М.: Республика, 1997. С. 39.

# ENGLISH «BOBBY» VERSUS RUSSIAN POLICEMAN (ENGLISH POLICE IN THE 19<sup>th</sup> – EARLY 20<sup>th</sup> CENTURY RUSSIAN PUBLIC OPINION)

BORISOV A.V.\*, VAZHENINA I.V.\*

\*Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russia

Alexander V. BORISOV, Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of State Legal Subjects; Irina V. VAZHENINA, Senior Lecturer, Department of Organization of the Activities of the Internal Affairs Bodies of the Center for Command-Staff Training (irina-mew@mail.ru). Both – Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia.

**Abstract.** Problems of people's attitude towards the police existed and exist in all countries with a different degree of intensity. This article provides an overview of the history of the 19<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> centuries English police. The main attention was paid to the measures taken by the government and the society to improve the police activities and reputation of its officers. It has shown, that a high level of credibility of the British as well as foreigners to the British police despite a rather high crime rate and low crime detection is largely due to longstanding endeavors of the state, police chiefs as well as public and literature figures in increasing the reputation of the police among the public. For the first time in the Russian and English scholarly literature, this article analyzes the views of Russian public figures, writers, journalists, administrators and the police on the organization and activities of the police in England, and people's attitude towards the police. It is concluded that the frequent comparison in the liberal discourse of the Russian police with the English was aimed not so much at comparing them objectively as at veiled criticism of the existing political system in Russia. For the Russian pre-revolutionary society, England was an idealized example of a country where the bureaucracy in general and the police in particular do not stand above society and do not interfere with its life and development.

**Keywords:** Russian Empire, Great Britain, police, public opinion, Russian society.

## REFERENCES

- Abakumov O.Yu. (2017) *Third Department on Guard of Morality and Deanery*. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russ.)
- Ackroyd P. (2016) *London: The Biography*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.)
- Borisov A.V. (2018) Political Elites of the Russian Empire and the Problems of Police Reform in the Early Twentieth Century. In: Nizhnik N.S. (ed.) *Russian Police: Three Centuries of Service to the Fatherland* (Proceedings of the Anniversary International Scientific Conference Dedicated to the 300<sup>th</sup> Anniversary of the Russian Police). St. Petersburg: S.-Peterburgsk. un-t MVD Rossii: 561–568. (In Russ.)
- Borisov A.V. (2010) *The Police and the Russian Militia in Public Opinion Mid-18<sup>th</sup> century – October 1917*. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii. (In Russ.)
- Borisov A., Malygin A., Mulukaev R. (2013) *Police of the Russian Empire*. Moscow: UNITY-DANA; Zakon i pravo. (In Russ.)
- Chernov S. (2007) *Baker Street and Surroundings*. Moscow: Forum. (In Russ.)
- Johnson B. (2016) *Johnson's Life of London: The People Who Made the City that Made the World*. St. Petersburg: Azbuka SPb. (In Russ.)
- Joyce P. (2011) *Policing – Development and Contemporary Practice*. London: SAGE Publications Ltd.
- Makashin S.A. (1972) *Saltykov-Shchedrin at the Turn of 1850–1860*. Moscow: Khudozh. lit. (In Russ.)
- Miall A., Milsted D. (2017) *The Xenophobe's Guide to the English*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.)
- Morrell K., Bradford B. (2018) *Policing and Public Management: Governance, Vices and Virtues*. London: Routledge.
- Ortega y Gasset J. (2005) *The Revolt of the Masses*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Rawlings P. (2008) Policing before the Police. In: Newburn T. (ed.) *Handbook of Policing*. 2<sup>nd</sup> ed. Cullompton, UK: Willan Publishing.
- Rogers P. (1984) *Henry Fielding: A Biography*. Moscow: Raduga. (In Russ.)
- Stepnyak-Kravchinsky S.M. (1965) *Russia under the Tsars*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Tarnovsky E.N. (1909) Crime Movement in the Russian Empire in 1899–1908. *Zhurnal ministerstva yustitsii* [Journal of the Ministry of Justice]. No. 9: 52–99. (In Russ.)
- Tipalo E.E. (2011) *The Public Chamber of the Russian Federation as an Institute of Civil Society*. Abstract of Cand. Sci. (Sociol.) Dissertation: 22.00.04. Rostov-on-Don. (In Russ.)
- Tot Yu.V. (2002) *Reform of the County Police in Russian Government Policy in the 19<sup>th</sup> Century*. St. Petersburg: Obrazovanie – kul'tura. (In Russ.)
- Zvonareva A.Yu. (2014) Public Control over the Internal Affairs Agencies Activities. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. No. 9: 224–226. (In Russ.)